

Самойлова Елена Олеговна, Шаев Юрий Михайлович

**ТРАНСФОРМАЦИИ БЫТИЯ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ
ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ИНТЕРНЕТА ВЕЩЕЙ**

Данная статья посвящена анализу Интернета вещей и его влиянию на контуры бытия современного человека. Исследуются парадигмы, интерфейсы Интернета вещей и их влияние на отдельные аспекты жизни. Анализируются различные виды базовых меток Интернета вещей, в том числе QR-коды, которые способствуют опознаванию "вещи" в Сети, а в будущем позволят идентифицировать и самого человека. Делаются выводы о противоречивом характере влияния Интернета вещей, процессов виртуализации различных сфер, информационного зашумления на бытие современного человека.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/12-3/44.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2016. № 12(74): в 3-х ч. Ч. 3. С. 158-161. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 141.32

Философские науки

Данная статья посвящена анализу Интернета вещей и его влиянию на контуры бытия современного человека. Исследуются парадигмы, интерфейсы Интернета вещей и их влияние на отдельные аспекты жизни. Анализируются различные виды базовых меток Интернета вещей, в том числе QR-коды, которые способствуют опознаванию «вещи» в Сети, а в будущем позволят идентифицировать и самого человека. Делаются выводы о противоречивом характере влияния Интернета вещей, процессов виртуализации различных сфер, информационного зашумления на бытие современного человека.

Ключевые слова и фразы: информационные технологии; компьютерные технологии; Интернет вещей; Интернет; онтология; бытие; виртуализация; QR-коды; технологии; современное общество.

Самойлова Елена Олеговна**Шаев Юрий Михайлович**, к. филос. н., доцент*Пятигорский государственный университет**blu_sky_angel@mail.ru; existentia20065@yandex.ru***ТРАНСФОРМАЦИИ БЫТИЯ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА
В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ИНТЕРНЕТА ВЕЩЕЙ**

*Исследование выполнено в рамках Гранта Президента РФ
«Интернет вещей и социальная онтология» МК-7802.2016.6.*

Активизировавшиеся в XX веке компьютерно-информационные процессы оказывают все большее влияние на современного человека. Большое количество информации, появление современных гаджетов и развитие технологий привели к становлению постинформационного общества. Данное общество можно характеризовать как общество потребления большого количества информации, зависимости от информационных и компьютерных технологий, а также как общество с ведущим типом коммуникации – массовой коммуникацией.

Развитие технологий в целом и в частности – вычислительной техники привело к тому, что массовая коммуникация теперь реализуется не только в парадигме «человек – человек». Формируются новые парадигмы взаимодействия человека и «вещей», которые с появлением Интернета вещей получили свой «голос». «Вещи» теперь могут «общаться» между собой, передавать и получать информацию, загружать ее на «облачные сервисы», а также отсылать ее – и все это часто без непосредственного участия человека. Один из родоначальников исследования Интернета вещей, Роб ван Краненбург, писал: «Это концепция пространства, в котором все из аналогового и цифрового миров может быть совмещено – переопределяет наши отношения с объектами, а также свойства и суть самих объектов» [14, р. 35].

Исследуя парадигмы и интерфейсы Интернета вещей, В. А. Бородин [3], А. Найдич [9], О. Ю. Никифоров [10], В. В. Чеклецов [12] в своих работах выделили следующие их виды:

1) первый вид интерфейса – это интерфейс «машина – машина», т.е. определённый набор технологий, благодаря которому реализуется межмашинное взаимодействие: прием и передача данных. «Среди аналитиков информационных технологий существуют разные мнения: с одной стороны Интернет Вещей – это следующая ступень развития М2М-технологий, с другой стороны, во многих источниках говорится, что рынок М2М-решений является подмножеством Интернета Вещей, а в некоторых источниках используют аббревиатуру IoT/M2M» [3, с. 180];

2) «второй интерфейс – это взаимодействие вещей с инфраструктурой внешней среды. Позволяет техническим устройствам реализовать односторонний или двусторонний обмен данными с элементами инфраструктуры, необходимыми для решения локальных задач» [10, с. 1345]. Например, автомобиль, оснащенный специальными датчиками, сможет получать информацию о светофорах, о заправочных станциях и т.д. Также существенно сократятся издержки на сервисное обслуживание и ремонт. Как и в других видах сборочных производств, основные узлы и механизмы транспортного средства будут сигнализировать о степени своего износа, необходимости ремонта и сервисного обслуживания [9];

3) третий вид интерфейсов основан на парадигме «машина – природа». В Интернете вещей машины способны измерять различные природные показатели: температуру воздуха, влажность и т.д. Чаще всего такая система используется в системе «умный» дом для принятия необходимых решений;

4) «четвертый интерфейс – это взаимодействие человека с самим собой. Представляет собой особую форму усиления рефлексии через виртуальный образ, размещенный в сети Интернет. Ярким примером являются аккаунты в социальных сетях, которые, помимо усиления саморефлексии, порождают полиидентичность личности. Интерфейс «человек – я» (P2H) является следствием развития сети Интернет, который благодаря Интернету Вещей получил многократное усиление: умные часы сигнализируют о связанной активности в социальных сетях, мобильные гаджеты позволяют быть онлайн в режиме «24/7»» [10, с. 1346];

5) пятый интерфейс реализуется посредством взаимодействия человека с собственным телом. Если раньше для того, чтобы проверить давление, нужно было использовать специальное оборудование или сдавать анализы, то сейчас «умные» часы и браслеты позволяют организовать удаленный мониторинг и контроль. Это создает новую парадигму «человек – тело – вещь»;

б) взаимодействие человека с вещами – это шестой интерфейс. Данное взаимодействие стало мыслиться иначе в связи с появлением Интернета вещей. В. В. Чеклецов отмечал: «Образы этого мира мы воспринимаем через культуру. То есть знание о том, что ручка – это ручка, пришло к нам из нашей культуры. Но если на ручке есть штрих-код, на котором размещена определенная информация, считывая ее с помощью смартфона, мы коммуницируем с ручкой» [12, с. 44].

И последний, седьмой вид интерфейсов – это интерфейс «человек – человек». Развитие информационных и компьютерных технологий сделало доступ в Сеть моментальным, а следовательно, коммуникация происходит практически мгновенно между коммуникантами.

Современный масштаб использования Интернета (более 80% территорий планеты охвачено всемирной паутиной) предопределил развитие и Интернета вещей. На сегодняшний день еще не существует универсального «языка» для «вещей», однако ведется разработка различного рода протоколов, чтобы сделать процесс передачи информации или «общения» более простым и универсальным. Существенную долю в таком общении составят «пассивные вещи» – т.е. объекты, которые не смогут связываться с Сетью напрямую, и для их «включения» в «общение» необходимо снабдить их различного рода метками или штрих-кодами. Следовательно, изменится и бытие вещей в мире – теперь это уже не чайник или тостер, а некое умное устройство, которое содержит в себе информацию о времени приготовления еды, о включении или отключении питания. Более того, в Интернете вещей чайник рассматривается не как предмет подогрева воды, а как предмет, который может передать информацию о температуре кипения воды, ее составе и т.д.

На настоящий момент существует несколько видов базовых меток в Интернете вещей. В первую очередь к ним относятся **идентификационные радиометки**, или **RFID**. Сейчас такие метки используют для совершения электронных платежей, например, в системе *Apple Pay*.

Второй тип меток – это **Bluetooth Low Energy (BLE)**. «Это часть стандарта *Bluetooth 4.0*, принятая ассоциацией *Bluetooth Special Interest Group* еще в 2010 году, поэтому все смартфоны, вышедшие за последние несколько лет, имеют реализацию BLE в чипсетах *Bluetooth* и поддерживают ряд соответствующих функций на уровне ОС. Как и другие технологии меток, BLE может способствовать развитию Интернета вещей, поскольку подходит для повсеместного использования, обеспечивает более высокую точность считывания и может встраиваться в изделие, не портя его внешнего вида» [4].

QR-код также является одной из базовых технологий Интернета вещей. Он связывает физический объект специальной меткой с веб-серверами. Сам термин QR-код происходит от английского словосочетания “quick response” – «быстрый ответ» и представляет собой двумерный штрих код, который позволяет закодировать небольшой объем информации. Изначально QR-коды использовались в производстве, логистике, торговле и помогали оптимизировать тот или иной процесс.

С развитием информационных и компьютерных технологий QR-коды нашли свое применение также в туризме (оснащение метками различных достопримечательностей и городских объектов), в рекламе (организация рекламных компаний, акций и т.д.), в архитектуре и т.д. В Японии, например, было построено целое здание, которое было оформлено при помощи QR-кода. Так, при сканировании здания человек мог узнать всю информацию о магазине, его сотрудниках, акциях и новых поступлениях, даже не заходя внутрь.

Мир современного человека настолько быстро изменяется, что порой и сам человек не успевает следить за тем, как изменилось его бытие. Если раньше человек использовал обычный, печатный билет, чтобы сесть на поезд или самолет, то теперь ему достаточно приложить QR-код, который был прислан ему на смартфон оператором, к пропускной системе. «Вещи» в определенной мере (например, билеты) начинают утрачивать свою «вещественность» и все больше становятся виртуальными. Экономика также все больше принимает виртуальный характер: развиваются онлайн-банкинг, онлайн-кредитование; покупки совершаются в интернет-магазинах, где человек может только видеть фотографию или изображение – знак того товара, который он получит в итоге. Это тоже говорит нам об утрате вещами «физического», «вещественного» бытия.

Здесь можно провести параллель с исследованиями в области потребительского общества Ж. Бодрийяра. Как известно, Ж. Бодрийяр разработал понятие «гиперреальности» [2, с. 243], в которое он включил феномены рекламы, моды, актуальные в рамках потребительского общества. Они обладают «сверхреальной» природой, реализуют яркие и насыщенные образы, заявляющие о своей реальности и онтологической полноте. Современное общество – гиперреально, оно наполнено большим количеством гиперреальных образов, имеющих в то же время виртуальный характер, так как они существуют в виртуально-информационном пространстве. Даже покупка в интернет-магазине – это во многом акт стремления к приобретению гиперреального образа: на экране мы можем видеть идеальной формы фрукты или косметику, которую рекламирует красивая (идеальная) девушка. То, что человек может получить в итоге, при покупке в магазине зачастую отличается от той картинки, что он видел на экране своего монитора или планшета.

С развитием Интернета вещей и компьютерных технологий жизнь современного человека становится все более прозрачной. Как отмечают футурологи, например Ж. Аттали, в будущем информация о каждом человеке, включая его социальное происхождение, уровень образования, родственные связи, материальное положение, будет «у всех на виду» [1, с. 129].

Постепенно меняются и культурные ценности, которые также идут по пути диджитализации и универсализации. Эти процессы имеют двойственный характер. С одной стороны, увеличение прозрачности и общедоступности информации, ее способность циркулировать открыто и без препятствий могут значительно улучшить социально-экономические процессы, сделать более эффективным администрирование в различных сферах жизни человека, изменить форму процесса принятия решений и т.д. С другой стороны, подобная универсализация и секуляризация различных измерений человеческих практик, в том числе соотносимых с областями приватного,

глубоко личного, способна постепенно размыть границы человеческой индивидуальности, поставить под вопрос свободу в плане принятия решения о желании либо нежелании выставлять напоказ аспекты своей жизни, которые имеют для человека личное значение. Современный человек, даже находясь на кладбище, может использовать Интернет и QR-коды для считывания некрологов, описания жизни с той или иной могилы, на которой есть данный код. Агентства похоронных услуг называют такие коды онлайн-продолжением офлайн-мемориала. Более того, в Японии прогресс дошел до такой степени, что код будет передавать информацию не только об усопшем, но и пересылать информацию членам семьи о фактах посещения могилы. Очевидно, что подобная практика может вызывать определенный ряд вопросов и сомнений в своей этичности.

Информационные технологии проникают даже в области, которые традиционно не были с ними связаны, например, в сферу религиозного культа. Так, некоторые церкви оснащаются специальными геолокационными метками; предметам религиозного культа, таким как иконы, также присваиваются штрих-коды. В определенной мере эти явления могут приводить к десакрализации культовых практик и религиозного культа в целом и отражать общий процесс демираклизации, происходящий в современном обществе, о котором упоминает В. Ю. Лебедев [8, с. 54].

Сам человек также утрачивает уникальность своего бытия, становясь «вещью» в информационной сети. В Интернете вещей каждый объект имеет свой штрих-код или датчик, по которому его можно опознать в Сети. Человек, в какой-то мере, становится в один ряд с чайником, лампой или телефоном, т.е. утрачивает то, что, по сути, делает его человеком, – уникальность его бытия. «Умные» браслеты отправляют врачам информацию о состоянии нашего здоровья, а датчики в специальном медицинском оборудовании позволяют дозировать тот или иной препарат и также следить за нашим самочувствием. Более того, часто пожилым людям вживляют такой датчик, чтобы знать их местоположение и следить за состоянием здоровья, чтобы в непредвиденной ситуации родные и врачи смогли помочь. Процесс диджитализации затронул и человеческое тело. Сейчас можно встретить не только аксессуары и одежду, снабжённую QR-кодом, но даже татуировки, в которых люди зашифровывают необходимую им информацию: данные о себе, любимую цитату и т.д., таким образом, наряду с «физическим присутствием» начинает выступать и «виртуальное», которое дополняет его и в какой-то мере стремится заменить его. Здесь, как нам представляется, присутствует своеобразная диалектика виртуального и телесного, их причудливое взаимодополнение.

Если рассуждать в духе традиционной европейской философской традиции, то можно отметить, что происходит, по крайней мере, частичная утрата бытия. Человек и вещи уже не находятся на «своих местах», (новременная логика разделения различных регионов бытия, о которой писал Б. Латур, не работает [7, с. 123]), они являются полноправными участниками процесса виртуализации сущего. Как писал еще М. Хайдеггер, «утрата бытия скрывается за растущим значением расчета, поспешности и претензии массовости» [11, с. 74].

Использование Интернета вещей и ведет именно к массовости: к массовой информации, доступности этой информации и т.д. С одной стороны, обилие новой информации позволяет человеку трансформировать ее в знание, однако, с другой стороны, это влечет к усилению информационного шума. Большинство ученых характеризуют такого рода шум как «процесс циркулирования большого числа информации разнообразного типа» [5, с. 565; 6]. Если раньше такой шум чаще всего встречался только в мире виртуальном, например, в спам-письмах, всплывающих окнах, контекстной рекламе и т.д., то сейчас с появлением Интернета вещей, когда каждая вещь содержит и передает большое количество информации, такой шум начинает выходить за рамки виртуальной реальности и обретает свои черты в реальном мире. Избыточность информации ведет к тому, что человек перестает усваивать ее, отстраняется. Большое количество информации также ведет к тому, что сама по себе информация начинает обесцениваться, а поиск необходимой информации становится сложновыполнимой задачей.

Таким образом, развитие Интернета вещей и его влияние на контуры бытия современного человека представляют собой крайне противоречивый процесс. С одной стороны, Интернет вещей, как и любая инновация, изначально задумывался в качестве средства улучшения жизни человека, новшество, способное сделать жизнь более комфортной, разгрузить человека и позволить ему избавиться от выполнения рутинных видов работ. С другой стороны, развитие Интернета вещей, как и любой социотехнической новации, поставило перед человеком новые проблемы и обозначило вызовы, главный из которых – трансформация бытия и частичная утрата его полноты, связанная с массовизацией, виртуализацией практик, усилением информационного шума. Следствие этих процессов – невозможность выделить главные приоритеты и ориентиры в виртуально-информационном пространстве. Переформулируя известные императивы адептов информационного и технологического оптимизма, утверждающих, что в современном постинформационном обществе необходимо уметь фильтровать и эффективно использовать информацию (проблем с ее поиском уже нет), можно сказать, что нужно еще и уметь сохранять полноту и своеобразие своего человеческого бытия в мире всеобщей погруженности в пространство информации. Переосмысление этих проблем, на наш взгляд, – это одна из важнейших задач философии информационных технологий и философии в целом.

Список литературы

1. **Аттали Ж.** Краткая история будущего. СПб.: Питер, 2014. 288 с.
2. **Бодрийяр Ж.** Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с.
3. **Бородин В. А.** Интернет Вещей – следующий этап цифровой революции // Образовательные ресурсы и технологии. 2014. № 2 (5). С. 178-182.
4. **Джексон С., Шилит Б., Уонт Р.** Механизмы Интернета вещей [Электронный ресурс]. URL: <http://www.osp.ru/os/2015/01/13045328/> (дата обращения: 10.10.2016).

5. **Евдокименко Е. Ю.** Понятие информационного шума в социально-гуманитарных науках // Молодой ученый. 2013. № 10. С. 564-566.
6. **Ейгер Г. В.** Информационный аспект речевых актов: на пути к качественной теории информации [Электронный ресурс]. URL: <http://homepages.tversu.ru/~ips/JubEiger.html> (дата обращения: 10.10.2016).
7. **Латур Б.** Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2006. 240 с.
8. **Лебедев В. Ю.** Религиозный ритуал западного христианства: культура, традиция, семиотика (XVI-XX вв.). Тверь: ГЕРС, 2008. 328 с.
9. **Найдич А.** «Интернет вещей» – реальность или перспектива? [Электронный ресурс]. URL: <http://compress.ru/article.aspx?id=24290> (дата обращения: 10.10.2016).
10. **Никифоров О. Ю.** Интерфейсы Интернета вещей // Научный альманах. 2015. № 9 (11). С. 1344-1347.
11. **Хайдеггер М.** Вклады в дело философии. От события / пер. Э. Сагетдинова // Герменей. 2009. № 1 (1). С. 56-95.
12. **Чеклецов В. В.** Четвертая революция: Интернет вещей // Королевские ворота. 2015. № 1 (175). С. 42-44.
13. **Чеклецов В. В.** Чувство планеты (Интернет Вещей и следующая технологическая революция). М., 2015. 130 с.
14. **Kranenburg R. van.** The Internet of Things: A Critique of Ambient Technology and the All-Seeing Network of RFID. Pijnacker: Telstar Media, 2008. 62 p.

TRANSFORMATION OF A MODERN MAN'S BEING IN THE CONDITIONS OF DEVELOPMENT OF INFORMATION TECHNOLOGIES AND THE INTERNET OF THINGS

Samoilova Elena Olegovna

Shaev Yurii Mikhailovich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor

Pyatigorsk State University

blu_sky_angel@mail.ru; existentia20065@yandex.ru

This article analyzes the Internet of things and its impact on the contours of a modern man's being. It discusses different paradigms, web interfaces of the Internet of things and their impact on certain aspects of life. The paper considers various types of the basic marks of the Internet of things including QR-codes, which enable to identify a "thing" in the Network, and in the future will help to identify a person him(her)self. The authors make conclusions about contradictory nature of impact of the Internet of things, processes of virtualization of various fields, information noise making on a modern man's existence.

Key words and phrases: information technologies; computer technologies; the Internet of things; the Internet; ontology; being; virtualization; QR-codes; technologies; modern society.

УДК 93/94

Исторические науки и археология

В статье рассматриваются публикации отечественных историков о политической работе среди японских военнопленных в лагерях НКВД-МВД Сибири и Дальнего Востока СССР. Тема японских военнопленных в СССР (1945-1956 гг.) сравнительно новая в отечественной историографии. Автором выявлены результаты исследований по одному из важнейших направлений работы с военнопленными японской армии. Определены и зафиксированы как достижения, так и недостаточно изученные аспекты темы.

Ключевые слова и фразы: японские военнопленные; лагеря НКВД-МВД; политическая работа; идеологическая «обработка»; «индоктринация»; публикации; историография; Главное управление по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ); политический отдел.

Серебренников Сергей Владимирович, к.и.н.

Кузбасский институт экономики и права, г. Кемерово

Serebrennikov_s@list.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РАБОТА СРЕДИ ЯПОНСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ЛАГЕРЯХ НКВД-МВД СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА СССР (ОБЗОР ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ)

Воссоздание полной и достоверной картины пребывания в СССР японских военнопленных после капитуляции Японии в 1945 г. (по данным С. В. Карасева – 547 261 бывших военнослужащих японской армии японской национальности были перемещены в СССР [21, с. 29]) предполагает детальное рассмотрение политической работы среди них в лагерях НКВД-МВД. За время нахождения японцев в плену власти постарались сделать все, чтобы «привить» им коммунистические идеи, а затем «руками бывших военнопленных проводить коммунистическую пропаганду в Японии» [Там же, с. 36].

Военный юрист и историк В. П. Галицкий, ставший в отечественной историографии первым исследователем политической работы среди японских военнопленных в СССР, ещё в 1990 г. назвал одну из причин того, что большинство японцев удерживались в плену несколько лет: «военнопленные, прошедшие